

УДК 323.3 – 058.12 : 32.019.5 (470+571) «185/189»

**«Белые ручки – чужие труды любят»:
поместное дворянство в российском общественном
сознании 50-90-х гг. XIX в.**

Шаповалов В. А.

Shapovalov V.A. «A Cat in Gloves Catches no Mice»: Landed Gentry in the Russian Public Consciousness in 1850s–1890s. The article deals with socio-psychological aspects of perception of the pre-reform and post-reform Russian gentry by people of different estates. This topic has recently started to attract the Russian historians' attention, and its study will allow to research bigger problems of inter-estate emancipation in late imperial Russia.

Keywords: landed gentry, pre-reform and post-reform periods, social psychology. *Шаповалов В. А. «Белые ручки – чужие труды любят»:* поме́стное дворя́нство в росси́йском обще́ственном созна́нии 50-90-х гг. XIX в. В статье рассматриваются социопсихологические аспекты восприятия поме́стного дворя́нства Росси́и как дореформенного, так и пореформенного периодов представителями различных сословий. Данный аспект только начинает разрабатываться в российской исторической науке, его разработка позволит выйти на более широкие проблемы межсословной эмансипации поздней имперской Росси́и.

Ключевые слова: поме́стное дворя́нство, дореформенный и пореформенный периоды, социальная психология.

Шаповалов В. А. «Білі ручки – чужу працю люблять»: помі́сне дворя́нство в росси́йській грома́дській свідо́мості 50-90-х рр. XIX ст. В статті розглядаються соціопсихологічні аспекти сприйняття помі́сного дворя́нства Росії як

дореформенного, так і післяреформенного періодів представниками різних станів. Даний аспект тільки починає розроблюватися в російській історичній науці, його розробка дозволить вийти на більш широкі проблеми міжстанової емансипації пізньої імперської Росії.

Ключові слова: помісне дворянство, дореформенний і післяреформенний період, соціальна психологія.

Дворянское сословие с начала XVIII в. приобретает те привилегии и права, которые ставят его на высшую ступень сословной иерархии, придавая носителю дворянского статуса ощущение сословно-корпоративной исключительности.

Положение российского дворянства в российском обществе достаточно полно освещено в исторической литературе. В то же время социопсихологические аспекты восприятия помещного дворянства в обществе начинают только разрабатываться [8; 13; 24; 25]. Основными источниками данной статьи стало российское законодательство, мемуарная литература и воспоминания современников [4; 6; 12 и др.].

Дворянин без суда не мог быть лишен дворянского достоинства, чести и жизни. Его мог судить лишь дворянский сословный суд. Только в торговых спорах записанный в гильдию дворянин мог предстать перед судом или управой в качестве купца. Это не касалось уголовных дел. Дело любого дворянина, совершившего уголовное преступление, подлежало лишь дворянскому суду. Его окончательно решал только Сенат и утверждал император. Жалованная грамота дворянству впервые признавала освобождение дворянина и его семьи от телесных наказаний, что стало важной привилегией сословия. До этого телесные наказания применялись ко всем сословиям, ассоциируясь не только с болью, но и позором человека. При Павле I телесные наказания

дворянам за уголовные преступления были восстановлены (указ 13 апреля 1797 г.), а при Александре I вновь отменены (манифестом 5 мая 1801 г. и указом 18 июля 1802 г.). Тогда же присужденным военным судом к смертной казни дворян было запрещено заковывать в железо. Указом Николая I от 23 мая 1826 г. на арестантов из дворян не распространялось правило бритья половины головы, как это делалось с представителями других сословий. 22 декабря 1827 г. осужденных к лишению дворянства и ссылке в Сибирь было запрещено отправлять туда, заковывая в железо. К числу дворянских привилегий относилось освобождение от личных податей, рекрутской повинности, в дореформенный период – монопольное владение крепостными крестьянами [8, с. 113-119]. Этих привилегий и прав не было больше не у одного сословия, что особо подчеркивало их высший сословный статус.

При Петре I, наряду с термином «дворянин», применялся термин немецко-польского происхождения «шляхетство». При Елизавете Петровне этот термин, в отношении высшего сословия, становится основным. Однако уже в 60-е гг. XVIII в. при Петре III его вытесняет русское слово дворянство, а при нем ставится слово «благородное», которое начинает употребляться также и в качестве существительного, заменяющего термин «дворянин» [8, с. 113-119]. Вплоть до 1917 г. эти слова в российском обществе были синонимами, хотя в пореформенный период термин «благородный» в отношении мелкопоместного дворянина имел нескрываемый оттенок социальной иронии. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля термин «благородный» имеет следующее объяснение: «...происходящий от дворянского рода, дворянин; обер-офицер, чиновник обер-офицерского чина; согласный с правилами чести и чистой нравственности; честный в пользу других» [5, с. 94]. Нравственный критерий человека переводится исключительно в плоскость сословного статуса. Подобная трактовка была закреплена и в «Своде законов Российской империи: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели,

начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами: чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои или от предков благородных рождены, или Монархами сим достоинством пожалованы» [20, ст. 15].

Обыватель недворянского происхождения постоянно сталкивался в повседневной практике с проявлениями дворянской исключительности. Помимо вышеуказанных привилегий, проходя по городу, он обращал внимание, что самые красивые центральные улицы, как правило, назывались Дворянскими, Большими или Малыми дворянскими [17, с. 237], самое красивое здание в городе – это здание Дворянского собрания, в сельской округе – усадьба крупного помещика, прохожие кланяются, в основном, представителям благородного сословия и т. д. Магия дворянского достоинства отражена и в народном фольклоре, в частности в пословицах и поговорках. В сборнике русских народных пословиц, поговорок и примет, собранных отшельником Мери-Хови, представлено небольшое количество пословиц, созданных, вероятно, в крепостной крестьянской среде, в которых отражено признание крестьянами своего низкого социального статуса и сословного превосходства дворян, их природное благородство, особая роль в обществе. Среди них: «На Руси дворянин, кто за многих один», «Из доброго помещика – дух вон, из крестьян – красные дни», «Барская милость – Божья роса», «С боярами знаться – ума набираться», «Кабы не барский разум, да не мужицкая простота – все бы пропали», «Вольному – просторней, барскому – спокойней» и, скорее всего, относящееся к мелкопоместному дворянству – «Хоть лыком шит – да барин!» [19, с. 113]. Вероятнее всего данные пословицы создавались в имениях крупных помещиков, где личное пространство крестьян не было серьезно ограничено вотчинной администрацией и они находились на оброке.

Подавляющая же часть пословиц и поговорок раскрывает тяжелую жизнь крепостных крестьян, где они не принадлежали себе и весь их жизненный уклад определялся помещиком. При

этом, сама суть данных пословиц (поговорок) однозначно иллюстрирует изначальную социальную предопределенность в крестьянском сознании собственной принадлежности барину, вершителю крестьянских судеб. К таким пословицам (поговоркам) относятся : «Казенный мужик живет, как Господь велит, а боярский – как барин велит», «Барская просьба – хуже приказа», «Мужицкими мозолями и бары сыто живут», «Душа – Божья, голова – Царская, спина – барская» [19, с. 113-114], «Панская воля – наша доля», «Нужда учит, а барщина мучит» [11, с. 156]. Их всех объединяет одна общая мысль – тяжела судьба, но она исконно наша, другого не будет дано.

Среди определенной части крепостных крестьян барская власть объяснялась Божьей волей, его устройством существовавшего социального миропорядка. Подобные убеждения остались у некоторых крепостных крестьян и после реформы 19 февраля 1861 г. Так, крупный помещик, видный представитель казанского земства Н. А. Мельников в своих мемуарах описывает примечательный разговор со старым бывшим крепостным своего деда Фомой Ивановичем: «Вспоминая какие-то эпизоды из далекого прошлого, он старается остановить мое внимание на том, каким умелым, добрым хозяином был мой дед, и как сердечно и справедливо он относился ко всем своим «подданным». Это вызвало с моей стороны некоторые вопросы о бывших отношениях между господами и их крепостными людьми. Я высказал недоумение по поводу того, как это было возможно, чтобы один человек безраздельно владел другим, и доказывал, что такое владение протivoестественно и безнравственно. «Нет, соколик, не так все это», – ответил Фома Иванович. «Верно ты сказал, что Господь сотворил человека свободным, да только не та эта свобода про которую на бумаге печатают, да на перекрестках кричат. Настоящая свобода Адаму праотцу была дана. Не оправдал он Божьего дара, ослушался Господа. С тех пор только на небе свобода осталась, и мы узнаем ее на том свете. На земле же все рабы либо друг другу, либо самим

себе. Я, примерно, дедушке твоего был раб, он – царским рабом, царь трону своему раб, а все мы вместе рабы перед Господом Богом. И позора в рабстве я не вижу никакого» [12, с. 28-29]. «Философия» Фомы Ивановича признает и оправдывает институт крепостничества, как определенный исторический этап крестьянской жизни. Главное для него наличие и характер барских добродетелей. Именно от них, с его точки зрения, зависела судьба помещичьих крестьян [25, с. 101-102].

Для крепостных крестьян, среди барских добродетелей, особо выделялась «твердая, но справедливая рука» помещика, при которой в хозяйстве будет порядок, «людишки не будут баловать», а главное, будет обеспечен сытый уровень жизни. Художник Л. М. Жемчужников вспоминает свой разговор с крепостным крестьянином пензенских помещиков Бахметьевых: «Когда был Андрей Николаевич, то у покойника жить нам было лучше...И ныне наши господа смиренные; к приказам не способные – вот и похуже. А господа нужды нет, нам грех напрасно сказать, чтоб, что дурное такое, а только что власть дана больно Андрею Лукьяновичу (управляющему – В. Ш.). Ну, онто...не способен, не хорош...

Ну прежде была барщина... Андрей Николаевич все обо днях старается, а ныне – все похуже; дни отнимают. Ныне, што, как они вздумают, как им надо, позовут, и в дни наши – работай на них» [6, с. 196-197]. Крепостной мужик жаловался, что «нынешние» господа, в отличие от прежнего барина, мягкие, «к приказам не способные», управление имением передали в руки управляющего, который и сам «не хорош». В итоге жизнь крестьян стала хуже.

Помещик, с точки зрения крестьян, не должен был переходить грань «христианского обращения» с ними, осознавая, что это было наказуемо и со стороны верховной власти. То есть, барин не имел права истязать их до смерти, увечить, морить голодом, в этой ситуации, не только беря грех перед Богом, но и нарушая царскую волю. И когда барин переступал грань дозволенного, проведенную крестьянским сознанием, его могли убить.

Крестьяне чувствовали, что помещики, за определенным исключением, опасались за свою жизнь, недвижимость и их добродетели, в некоторой части, были следствием страха перед расправой со стороны их «подданных». И. И. Игнатович отмечал: «Некоторые помещики действительно старались помогать своим крестьянам. Были такие... «которые из последних сил кормили крестьян, хотя, может быть, понуждаясь к тому скорее расчетом, нежели филантропией... Многие делали это из страха, ибо были случаи, что мужики грозно подступали к помещикам, требуя прокормления» [9, с. 7]. Историк крепостного права в Рязанской губернии А. Д. Повалишин, в связи с этим, писал: «Случаи совершения крепостными покушений на жизнь помещиков настолько были нередки, что они должны были посеять в помещиках опасение за свою жизнь», добавляя «опасения, иногда ничем не оправданные» [16, с. 291].

Отдельно, в рамках общественного восприятия дворянского сословия, стояли мелкопоместные владельцы, которые по своему культурному, образовательному и бытовому уровням резко дистанцировались от верхних страт «благородных». В тоже время, представители нижних подгрупп мелких помещиков, владея 1-3 душами, кичились своим дворянским статусом и ежедневно пытались подчеркивать его своим крестьянам. Хотя, нередко, сам их внешний вид, жилища нельзя было отличить от крестьянских. Современник, вспоминая посещение Тамбовской губернии в 1851 г., отмечал: «Когда я попросил крестьян указать, где живет помещик, мне показали на бедную полуразвалившуюся лачужку, крытую соломой. Я не поверил, но оказалось, что он действительно живет здесь. По мере моего приближения удивление мое продолжало только возрастать, а когда я наконец вошел в отворенную дверь и заглянул внутрь, то был просто поражен: потолок грозил ежеминутно обрушиться...» [4, с. 884].

Подобный образ жизни мелких помещиков приводил к тому, что у крупных сановников из верхних страт дворянства рождались проекты перевода мелкопоместных дворян в особое военное сословие, не входившее в разряд «благородных» [22, с. 41].

Купцы, наряду с мещанами, принадлежа к сословию городских обывателей, в дореформенный период также осознавали свою социальную дистанционность от дворянства. Это проявлялось не только в правовой сфере, где купцы официально принадлежали к полупривилегированному сословию, но и в повседневной бытовой практике. Манеры, культура, образованность дворян считались уделом благородных. В этой связи, современник указывал: «На купца смотрели не то чтобы с призрением, а так, как-то чудно. Где, дескать, тебе до нас. Такой же ты мужик, как и все, вот только синий сюртук носишь, да и пообтесался немного между господами, а посадить обедать с собою вместе все-таки нельзя — в салфетку сморкаешься» [22, с. 73]. Отсюда, купец завидовал социальному статусу «благородного», с другой стороны, — недолюбливал за его сословную чванливость.

В ходе реализации Великих реформ 60-70-х гг. XIX в. наметилась тенденция постепенного свертывания сословных привилегий дворянства. В 1861 г. дворянство утратило монопольное право на владение крепостными крестьянами; в результате реформы полиции 1862 г. дворяне утратили право формировать уездную полицию, а после введения земств в 1864 г. потеряли монополию на формирование органов местного управления; в результате судебной реформы 1864 г. дворяне попали под юрисдикцию общесословных судов, с 1874 г. стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. Особенно примечательна в этом плане утрата дворянством налоговых привилегий. До середины XIX в. оно обладало фактически налоговым иммунитетом: не платило прямых налогов. После либерализации сословных отношений ситуация изменилась: введение любых новых налогов в стране стало распространяться на дворян в равной степени с другими сословиями. С 1863 г. дворяне стали платить новый государственный налог с государственной недвижимости, с 1872 г. — государственные земские повинности, с 1875 г. — государственный поземельный налог в сельской местности

и т. п. С начала 1860-х гг. российская налоговая система стала радикально изменяться: она переходила с подушного принципа на подоходный, тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения. Соответственно налоговое бремя дворянства стало возрастать [13, с. 94].

После отмены крепостного права, когда земля стала всесловным товаром, доля дворян в частном землевладении стала падать. Если до отмены крепостного права частный фонд земель был фактически монополией помещиков, за исключением незаселенных земель, с освобождением крепостных данная картина стала меняться: в 1861 г. им принадлежало 87 млн. дес. земли, в 1877 г. — 73 млн. дес., в 1905 г. — 53 млн. дес. [18, с. 131]. Дворянские земли, в первую очередь, в массовом порядке переходили в руки купцов и крестьян. Это, в свою очередь, уменьшило основания и возможности дворянской корпорации на главенство в местном управлении, что было видно из некоторого охлаждения интереса уездных предводителей к управленческой деятельности [26, с. 376].

Все эти социально-экономические изменения статуса дворянства не остались незамеченными для представителей других сословий, которые старались данную социальную трансформацию подчеркивать. Отсюда, в социопсихологической сфере у представителей дворянства происходило столкновение претензий старого барства и новых ожиданий, разочарований. К. Д. Кавелин особо акцентировал на этом внимание: «Огромное большинство владельцев, не обременяя себя заботой о будущем, не думая поступиться ни одной из прежних своих привычек в виду новых обстоятельств, жило со дня на день, по возможности по старому, вело упорную и бесплодную экономическую борьбу с бывшими своими крепостными...» [10, с. 3]. Помещичий традиционализм не мог измениться в короткий период времени, тем более, это еще позволял временнообязанный период для бывших крепостных крестьян. Последние же весьма негативно воспринимали по отношению к себе прежние барские замашки, всем видом показывая свой новый социальный статус. Так,

бывшие крепостные крестьяне сразу же после реформы отмены крепостного права нарочито называли друг друга по имени и отчеству с — вичем (Иванович), что позволительно в прежние времена было только дворянству, а бывших помещиков — именем и полуотчеством без слова «сын», именной формулой, характерной для низших сословий [25, с. 132]. Это было реакцией на попытки барина принизить или вовсе психологически подавить новый социальный статус крестьянина, его стремление продемонстрировать свободу своей личности. И в этом было новое проявление отношения крестьян к помещикам, где на словах и конкретными поступками показывалась правовая равнозначность двух свободных сословий. Но эта равнозначность не могла быть проявлением социального равенства, что крестьяне прекрасно осознавали. Дворянство продолжало оставаться единственным привилегированным сословием, а весь резервный фонд земель оставался у него, арендовать или взять займы чего-либо также можно было у помещика, не говоря о всевозможных работах, подарках, подачках, т. п. В условиях аграрного перенаселения Центральной России, частых неурожаях, отсутствия возможности подработать именно барин, наряду с другими зажиточными элементами деревни, мог стать реальным спасательным кругом.

В тоже время, о существовании у крестьян магии дворянского статуса, благородного происхождения указывает известный этнограф рубежа XIX в. О. П. Семенова-Тян-Шанская: « ... психология «Ивана» довольно сложная; с одной стороны, он не уважает барина за то, что он не умеет обращаться с землей и трудится над ней по-мужицки, а с другой, — величие барина. Очевидно существует крестьянское эстетическое представление о барине, как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику... По мнению крестьянина, в том именно, и заключается смысл быть богатым, — не считать грошей и не марать своего барского достоинства около мелочей хозяйственного обихода, оно, кстати ему, «Ивану», и выгоднее, когда барин такой» [27, с. 15-16]. В крестьянском представлении

предназначення барина состояло в том, что он, в силу своего благородного происхождения, не должен был пачкать руки, какой-либо физической работой, считать гроши и вникать во все хозяйственные дела. Последний аспект весьма важен для понимания крестьянских воззрений о помещике, витающий в облаках своих мыслей барин был удобен возможностью объегоривания его. И это не считалось у крестьян грехом, так как « Угрызения совести «Иван» по этому поводу, конечно, не чувствует... по его рассуждению, богатые милосердием своим спасают свою душу...» [27, с. 15-16].

В сравнении с дореформенным периодом, в пореформенный период, отношение к мелкопоместным дворянам заметно изменилось. Если до 1861 г. крестьяне продолжали в них видеть дворян, то в пореформенные годы низшие подгруппы мелкопоместной страты (до 10 дес.) вызывали у них неприкрытый сарказм, отказ признавать в них «благородных». Но для этого были все основания. Пореформенная модернизация поставила значительную часть мелкопоместных дворян на грань нищеты. Современник отмечал: «...захудалые дворяне, живущие в деревнях жизнью обыкновенных крестьян; иногда они составляют самостоятельную деревню, как, например, колония близ Курска, в которой живут однофамильцы Толмачевы, или, как их называют в округе «Толмачишки». Дворяне эти живут в крестьянских избах, ходят в лаптях и нередко нанимаются в батраки к крестьянам» [3, с. 55]. Крестьяне, даже в разговорах с дворянами из верхних страт, не могли скрыть своих усмешек, упоминая мелкопоместных дворян [2, с. 339]. Именно о пореформенной деградации мелких помещиков в крестьянской среде была создана поговорка: «Што это стало с панами? Бувало один пан едет на шести конях, а теперь шесть панов едут на одном коне» [11, с. 157]. Вероятно в крестьянской среде, да и не только, дворяне ассоциировались уже только с их верхними стратами.

Пореформенное дворянство, остро нуждаясь в деньгах для перестройки своих хозяйств или их поддержания, осознавало

возрастающую силу купечества и было вынуждено устанавливать с ним партнерские отношения. С. Н. Терпигорев (С. Атава) прямо указывал: «Купец начинает чувствовать свою возросшую хозяйственную власть и силу. Всем нам в это время дозарезу были нужны деньги, а деньги были у купца. Теперь, когда приезжает купец, необходимо было ему подавать обед, строго-настрого приказав детям не смеяться, если купец начнет сморкаться в салфетку» [1, с. 22]. В данной связи, повышение купеческого самосознания дало основание для укрепления критического отношения к дворянству. Купечество разделяло мнение, что: «дворянин не купец, плохое дело отдать купеческий капитал да в дворянские руки» [23, с. 134]. Вообще среди купечества считалось, что одалживать деньги дворянам или вступать с ними в дело нежелательно, поскольку «купец всегда добросовестнее» [24, с. 98]. Следует вкладывать свои средства, руководствуясь следующим посылом: «смотри на человека, умеет ли он дело делать. Коли умеет, так давай ему денег, сколько хочешь, все на пользу. А вот щелкоперы-то... больно нам не по масти» [15, с. 422]. Ко многим дворянам, с точки зрения купцов, можно было отнести и такую фразу «Того и смотри, попросит деньги займы, откажешь, наживешь врага сильного, не откажешь, человек-то он честный, взятки не берет, но не душа лжет, а мощна, долгу заплатить не по нечестности, а по обстоятельствам не сможет» [14, с. 9]. Купцы понимали, что наступило время, когда мерилом статусности человека в обществе становилась не «порода», хотя и она играла роль, а размер капитала. Следовательно, наступило их время. В тоже время, стремление породниться или иметь партнера из «голубых кровей» имело широкое место. Историки Санкт-Петербурга рубежа XIX–XX вв. подчеркивали эти социопсихологические процессы: «Некоторые аристократы... роднились с семьями богатых просвещенных купцов... Были случаи, когда некоторые вступали в коммерческие предприятия, акционерные общества, куда их охотно принимали даже без капиталов, так как в интересах дела ... выгодно было привлечь людей с громкими именами» [7, с. 72].

Подавляющая часть дворянства, в первую очередь, поместного, рассматривала заметное падение престижа сословного статуса дворянина в пореформенный период, как следствие собственной корпоративной жертвенности в ходе буржуазных реформ 1860–1870-х гг., когда на алтарь межсословной эмансипации были отданы все сословные привилегии. Н. П. Семенов в работе «Наше дворянство», отражая мнение большей части дворянства, указывал: «Служа верой и правдой Престолу и Отечеству поместное дворянство при этой реформе (19 февраля 1861 г. – В. Ш.) принесло жертву, за себя и потомство, даровую рабочую силу своих крепостных людей и отдало отошедшие от него в надел крестьянам земли за весьма скромное выкупное вознаграждение. С потерей права владеть исключительно такими именьями, которых отличительным признаком была их населенность, дворяне утратили самое существенное преимущество, связывавшее их в одно цельное, соединенное общими интересами сословие» [21, с. 34-35].

Таким образом, механизм общественного восприятия поместного дворянства на протяжении 50-90-х гг. ХІХ в. был довольно сложным. С одной стороны, признавался его социально-экономический упадок, в первую очередь низших страт, что вызывало определенный общественный сарказм в адрес «благородных». С другой стороны, традиционализм магического восприятия представителей «голубой крови» оставался среди всех сословных сообществ, признавая за ними первенство «породы», образованности и культуры.

Примечания

1. *Берлин П. А.* Русская буржуазия в старое и новое время / П. А. Берлин. — М., 1922.
2. *Борецкой А.* Захудалое дворянство / А. Борецкой // Русская мысль. — 1882. — № 12.
3. *Вернер И. А.* Землевладение и земледелие в Курской губернии / И. А. Вернер // Русская мысль. — 1887. — № 4.
4. *Воспоминания В. С.* Мышецкого / В. С. Мышецкий // Исторический вестник. — 1896. — № 11.

5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : В 4-х томах. / В. И. Даль. — М., 1998. — Т. 1. — А-З.
6. *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого. В крепостной деревне. 1852—1857 гг. / Л. М. Жемчужников. — М., 1927.
7. *Засосов Д. А., Пыпин В. И.* Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов. Записки очевидцев / Д. А. Засосов, В. И. Пыпин. — Л., 1991.
8. *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. — М., 2009.
9. *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения / И. И. Игнатович. — М., 1910.
10. *Кволе.* Крепостное право в народной поэзии / Сост. Н. Л. Бродский. — М., 1911.
11. *Кавелин К. Д.* Крестьянский вопрос / К. Д. Кавелин. — СПб., 1882.
12. *Мельников Н. А.* 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания) / Н. А. Мельников. — Йошкар-Ола, 2008.
13. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи: в 2-х т. / Б. Н. Миронов. — СПб., 2003. — Т. 1.
14. *Наше купечество с серьезной и карикатурной стороны.* — М., 1865. — Вып. 1.
15. *Островский А. Н.* Праздничный сон — до обеда / А. Н. Островский. — М., 1987.
16. *Повалишин А.* Рязанские помещики и их крепостные. Очерки истории крепостного права в Рязанской губернии / А. Повалишин. — Рязань, 1903.
17. *Попов П. А., Фирсов Б. А.* Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII — начала XX века / П. А. Попов, Б. А. Фирсов. — Воронеж, 2009.
18. *Проскурякова Н. А.* Россия в XIX веке: государство, общество, экономика / Н. А. Проскурякова. — М., 2010.
19. *Сборник пословиц, поговорок, примет и проч.* (Русско-народная философия) / Сост. отшельник Мери-Хови. — СПб., 1882.
20. *Свод законов Российской империи.* — СПб., 1899. — Т. 9.
21. *Семенов Н. П.* Наше дворянство / Н. П. Семенов. — СПб., 1899.
22. *Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX — начале XX вв.* / Ред. В. А. Шаповалов, И. Т. Шатохин. — Белгород, 2011.

23. Ушаков А. С. Из купеческого быта. Повести и очерки / А. С. Ушаков. – М., 1862.
24. Шаповалов В. А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. – М.; Белгород, 2002.
25. Шаповалов В. А. Трансформация представлений русского крестьянства о помещичьей добродетели в 50-90-е гг. ХІХ века / В. А. Шаповалов, С. П. Шаповалова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – № 13. (108). – 2011. – Вып. 19.
26. Шатохин И. Т. Кризисные явления в местном управлении Российской империи на рубеже ХІХ вв. / И. Т. Шатохин // Проблемы Отечественной истории: источники, историография, исследования. – СПб.; Киев; Минск, 2008.
27. Шнейдер В. П. Памяти Ольги Петровны Семеновой / В. П. Шнейдер. – СПб., 1908.

УДК 35. 08 (=161.1) : 325.45 (470+571 : 475. 5) «1867/1915»

**Толкование понятия «русское происхождение»
и его применение в процессе русификации
люблинского губернского управления
(1867–1915)**

Горак А.

Gorak A. The Interpretation of the Concept of «Russian Origin» and Its Application in the Process of Russification Lublin Guberniya's Office (1867-1915). One of the most important and dynamic processes taking place in the Kingdom of Poland after the January Uprising was Russification in general and especially in the administration. Article focuses on one aspect